

Колеса мерно постукивали по дороге, и пейзаж за окном незаметно менялся. Пряный аромат золотого османтуса, присущий лишь Хуайнани, постепенно таял в воздухе, уступая место сухому северному ветру, пропитанному пылью и горьковатым запахом увядающих трав. С вечерним бризом этот запах проникал сквозь щели в занавесках экипажа.

Когда сумерки окончательно сгустились, к кортежу Се Лин'и без лишнего шума примкнул отряд, похожий на охранников из охранного бюро. Цокот копыт поднял легкую пыль, и вскоре пришедшие всадники смешались с основной свитой так, что отличить одних от других стало невозможно.

Лю Юнь приоткрыла занавеску, мельком взглянула на улицу и тут же опустила ткань обратно. Понизив голос, она прошептала:

— Госпожа, не ожидала, что канцлер У пришлет столько людей.

Се Лин'и, полулежа на мягких подушках, ответила:

— Старик У когда-то был наставником моей бабушки, их связывала крепкая дружба. Позже они оба сдали государственные экзамены и вместе преподавали нынешнему императору, когда тот еще был наследным принцем. У него огромный авторитет. Даже когда он в свое время отчаянно защищал Великую принцессу Хуаян, его лишь слегка пожурили. С эпохи покойного императора он бессменно занимает пост левого помощника главы секретариата — вот уже более тридцати лет. Эта горстка людей для него — сущий пустяк.

Она перевела взгляд на сгущающиеся за окном сумерки, и в ее голосе промелькнула едва уловимая тревога:

— К тому же путь до Шанцзина вряд ли будет спокойным. Старик прислал так много людей из искренней заботы.

Не успела она договорить, как Су Юнь внесла поднос с четырьмя видами изысканных закусок. В фарфоровых блюдцах лежали медовые сливы, источающие аппетитный аромат, нежные пирожные в форме распускающихся лотосов, теплая миндальная паста, гладкая, как нефрит. Сладкий дух рассеял гнетущую атмосферу в карете, и даже рассудительная Бай Чжи не удержалась и съела два кусочка.

Цин Юй и Лю Юнь прильнули к окнам, вглядываясь в очертания величественных городских стен, которые становились все отчетливее. В их глазах сияло нескрываемое возбуждение. Четыре служанки наперебой засыпали Се Лин'и вопросами:

— Госпожа, правда ли, что улица Чжуцзюэ настолько широка, что по ней могут разъехаться девять карет?

— Говорят, сладости в павильоне Байвэй изысканнее, чем во дворце. Неужели они могут сравниться с мастерством сестрицы Су Юнь?

— А пудра из раковин и румяна из Шанцзина, говорят, их привозят из самой Персии! Они такие красивые, госпожа обязательно должна купить их на пробу.

Смех и оживленные разговоры наполнили карету теплом, словно это долгое путешествие было не опасной дорогой, а обычной осенней прогулкой. Свечи в стеклянных фонарях мерцали, освещая нежные лица девушек мягким светом, и казалось, они совершенно не подозревают, что в лесу за каретой разворачивается совсем другое, куда более «оживленное» действо.

В глубине леса сумерки были гуще, чем на главной дороге.

— Господин, уже третья группа, — прошептал Тин Чань, скрываясь в тени старой сосны. В его глазах вспыхнул острый блеск. — Мы будем вмешиваться?

— У этих людей казенное оружие, — голос Пэй Чжаохэна звучал глухо. Он прислонился к стволу дерева, наблюдая сквозь листву за каретой, медленно двигавшейся в вечерней мгле.

Пэй Чжаохэн отправился в путь, чтобы разузнать истинные намерения Се Линьи. Хотя, согласно донесениям, Старая госпожа Гу еще в начале года начала готовить внучку к возвращению в столицу, нельзя было исключать, что жители горы Юньшань, зависящие от клана Гу, действовали по указке самой госпожи. К тому же, возвращение Се Линьи в столь критический момент означало, что она везет с собой некое важное доказательство. На чьей стороне она на самом деле? Клан Се, Ван Чэн или Су Вэньюань? Что это за доказательство? Ему нужно было это знать.

Если не удастся выведать правду, можно воспользоваться хаосом и просто отобрать предмет — изначально план казался чистым и безупречным. Однако, несмотря на многолетний военный опыт и природную подозрительность, он недооценил эту юную девушку из клана Се.

Люди Пэй Чжаохэна еще не успели приблизиться к кортежу, как наткнулись на несколько групп убийц, чьи клинки были направлены на карету Се. Самое странное, что сама Се Линьи вела себя так, будто ничего не замечала: ее охрана не подавала признаков жизни, а карета продолжала мерно двигаться вперед.

Волею случая отряд Пэй Чжаохэна превратился в негласную стражу Се Линьи: они перехватывали убийц, устраняли их и заматали следы, вступая в схватку с неизвестными наемниками на дороге и в лесу. Первая группа действовала быстро и жестоко — типичные выученные смертники. Вторая группа прикинулась лесными разбойниками, но их быстро привели в чувство. А попытаться подобраться к карете, чтобы разузнать что-то? Ни у кого просто не было на это сил.

Лунный свет пробился сквозь облака. Тин Чань затаил дыхание, его короткий клинок был наполовину обнажен. Вдруг занавеска кареты шевельнулась. Снаружи раздался голос начальника охраны — тихий, но отчетливый:

— Госпожа, у тех, кто пришел в этот раз, оружие, похоже, казенное. — Он помедлил. — Генерал Пэй пока бездействует.

Се Линъи ответила коротким согласием, достала из шкатулки с лекарствами, которую держала Бай Чжи, крошечный нефритовый флакончик. Он был размером с большой палец, гладкий и светящийся в полумраке. Цин Юй и Лю Юнь переглянулись и бесшумно выскользнули из кареты, растворившись в ночной мгле. Вскоре из леса донеслись короткие, задавленные стоны, которые тут же стихли. Ночной ветер продолжал шуметь в кронах сосен.

— Эти люди... — Тин Чань нахмурился, вслушиваясь в тишину.

В воздухе повеяло слабым сладковато-кровавым запахом, но его тут же перебил аромат сосновой смолы.

— Немые яды, — Пэй Чжаохэн подошел ближе, чтобы осмотреть место схватки. В его голосе не было эмоций. — Она не убивает, а использует это, чтобы показать свою силу. — Он усмехнулся, и лунный свет подчеркнул сложное выражение его лица: в нем смешались любопытство, подозрительность и досада от того, что его переиграли. — Умна. Но все эти счета запишут на наш счет.

Он снова посмотрел на карету вдаль. Занавески не шевелились, изнутри доносился тихий девичий смех, совершенно не вяжущийся с лесной жестокостью.

— Какая хитрая девица. Чужими руками расчистила себе путь, а сама осталась в стороне, будто ни при чем.

Он вздохнул, и в его тоне прозвучала вынужденная покорность:

— Придется доделать за нее грязную работу.

Тин Чань проворчал:

— Господин, если бы вы были решительнее, не пришлось бы заботиться о ее сохранности, и предмет был бы уже у нас.

— Слишком много болтаешь. За работу, — Пэй Чжаохэн бросил на него взгляд, сжав зубы.

И зачем он только согласился на это предложение младшего соученика? Пришлось самому бегать здесь в роли охранника. Мало того, что пришлось лично участвовать в этой суматохе, так и доказательства до сих пор не видать, а соученик в это время развлекается в увеселительных кварталах.

Как только Пэй Чжаохэн закончил зачистку, кортеж Се Линъи внезапно сменил свой неспешный темп. Копыта застучали быстрее, карета затряслась, поднимая облака пыли. Пламя свечи в фанаре задрожало, отбрасывая на лицо Се Линъи причудливые тени.

— Госпожа, не опасно ли оставлять их просто отравленными? Вдруг они снова погонятся за нами? — тихо спросила Бай Чжи, придерживая доску для игры в го.

Се Линъи держала белую нефритовую фишку, обучая Бай Чжи расстановке, и ответила не сразу. Лю Юнь, стоявшая рядом, прыснула со смеху:

— Думаю, не стоит беспокоиться! Кто-нибудь обязательно сделает это за нас.

Цин Юй, более рассудительная, нахмурилась:

— Всю дорогу только и делаешь, что играешь да ешь, никакой пользы от тебя в защите госпожи. Вернемся — накажу.

Се Линъи поставила фишку на доску, и уголки ее губ дрогнули в понимающей улыбке:

— Лю Юнь права. — Она подняла глаза, в них читалась полная ясность происходящего: — Раз кто-то хочет взять работу на себя, нам остается лишь наблюдать за переменами и беречь силы.

На самом деле, слухи в Ланьяне не обошлись без ее участия. То, что доказательство везет хрупкая девушка, заставляет врагов недооценивать ее — какая охрана может быть у девицы? Теперь, когда элитные воины Пэй Чжаохэна расчищают путь, никто не посмеет напасть в ближайшее время, а ее истинные покровители останутся в тени. К тому же, раз наемники действовали на поражение, подозрения Пэй Чжаохэна в ее адрес должны немного утихнуть.

Однако, как только она вернется в столицу, она неизбежно станет бельмом в глазу для многих. Похоже, впереди ждут нелегкие дни.

— Шанцзин уже близко, — ее голос звучал мягко, но в нем чувствовалась сталь. — Буря приближается, будьте предельно осторожны. Не забывайте моих наставлений.

— Слушаемся, — служанки мгновенно посерьезнели.

Вдали очертания Шанцзина становились все отчетливее в ночи. Девять ярусов городских стен, высокие сторожевые башни, огни, заливающие город — жизнь в нем не затихала ни на миг под одним и тем же звездным небом.

— Госпожа, до города осталась одна ночь пути. Мы пойдем вперед, чтобы разведать дорогу, — начальник охраны, примкнувший к ним в пути, почтительно поклонился.

Се Линъи протянула ему шкатулку из сандалового дерева:

— Передайте это своему господину. Благодарю за труды.

Мужчина все понял, принял шкатулку обеими руками и отступил. Цокот копыт удалялся, пока окончательно не затих в ночи, словно их здесь никогда и не было.

В карете снова воцарилась тишина. Се Линъи погладила нефритовый кулон в форме камелии, который бабушка дала ей перед отъездом. Прохладный, гладкий камень согрелся от тепла ее

пальцев.

Что бы ни ждало впереди — Шанцзин, я вернулась.

Настоящая буря только начинается.

<http://bllate.org/book/19397/1899334>